

Николай Степанович Гумилев (1886-1921)

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались с ужасом к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово - это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым.
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь!»
Рыбарь, здравствуй!
Вас зову Я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды. -
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца.

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За Искателем Небес.

Credo

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире -
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знанья,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

Осень 1905

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо - тяжкий гнёт,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Всё, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И Тот, Кто шёл со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим уладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, -
Положит посох, обернётся
И скажет просто: «Мы пришли».

1912

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев - все запретные труды,
Для девушек - янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

библиотека на <http://www.christianart.ru>

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жёрдочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Молитва мастеров

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал всё новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг.

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрекается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем - нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

Фра Беато Анджелико

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, среди тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, - совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, -
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под тождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там - иные светы.

А краски, краски - яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Орёл

Орёл летел всё выше и вперёд
К Престолу Сил сквозь звёздные преддверья.
И был прекрасен царственный полёт,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюблённую в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не всё ль равно? Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья,
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперёд,
Смотрел на звёзды мёртвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

* * *

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Андрей Рублёв

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос - это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб - как свод небесный,
И кудри - облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста - как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И в этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.

Январь 1916

Рай

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
В немировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лёд,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Евангелическая церковь

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена,
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.

Я дверь толкнул. Мне ясно было, -
Здесь не откажут пришлецу,
Так может мёртвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.

Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надёжным кормчим у руля.

А снизу шум вносился многий,
То пела за скамьёй скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший книгу Бытия.

И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обретена.

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем,
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.

И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий
Флаг неземного корабля.

1919

Ворота рая

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами
И его не ведает народ.

Это дверь в стене давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный бой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Пётр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

Солнце духа

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но ещё не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Канцона вторая

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как незримый свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

1918

* * *

На льдах тоскующего полюса,
Где небосклон туманом стерт,
Я без движенья и без голоса,
Окровавленный, распростерт.

Глаза нагнувшегося демона,
Его лукавые уста...
И манит смерть, всегда, везде она
Так непостижна и проста.

Из двух соблазнов, что я выберу,
Что слаще — сон иль горечь слез?
Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбаю,
Явился в облаке Христос.

Он превращает в звезды горести,
В напиток солнца жгучий яд,
И созидает в мертвом хворосте
Никейских лилий белый сад.

Блудный сын

1

Нет дома подобного этому дому!
В нём книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному,
Пусть в мире есть слёзы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
И гул изумлённой толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Пётр не унижится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твоё приумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирепых огнём научу поцелую.

Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пускай приведут мне танцовщиц Сидона
И Тира, и Смирны... во имя Венеры.

Цветов и вина, дорогих благовоний...
Я праздную день мой в весёлой столице!
Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..
А, вот они, вот они, *salve amici*.

Идите скорей, ваше ложе готово,
И розы прекрасны, как женские щёки;
Вы помните верно отцовское слово,
Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок – неопрятность,
Одну добродетель – изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
Коль ты недоволен моим сиракузским!
Ты, Цинна, смеёшься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?

3

Я падаль сволок к тростникам отдалённым
И пойло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже:
Хозяин, твои я целую колена,
Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость – работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от солёного пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины,
Как красное золото, полднем бездонным,
Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюблённым.

И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородою,
Он грустен... пойду и скажу ему: «Отче,
Я грешен пред Господом и пред тобою».

4

И в горечи сердце находит усладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом – это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идёт мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

Заводи

Н. В. Анненской

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
... И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днём так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

Рождество в Абиссинии

Месяц встал; ну что ж, охота?
Я сказал слуге: «Пора!
Нынче ночью у болота
Надо выследить бобра».

Но, осклабясь для ответа,
Чуть скрывая торжество,
Он воскликнул: «Что ты, гета¹,
Завтра будет Рождество.

И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота —
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.

Ни один из них вначале
На других не нападет,
Ни укусит, ни ужалит,
Ни лягнет и ни боднет.

А когда, людьми не знаем,
В поле выйдет Светлый Бог,
Все с мычаньем, ревом, лаем
У Его столпились ног.

Будь ты зрячим, ты б увидел
Там и своего бобра,
Но когда б его обидел,
Мало было бы добра».

Я ответил: «Спать пора!»

Пророки

И ныне есть ещё пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

---

¹ Гета — по-абисински господин

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной,
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

Сон Адама

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания.
Над ним ослепительных звёзд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бёдер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ — ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мёд,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущённый Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надёжном ковчеге
И строится снова, суров и упрямя,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его, отомщать за обиды —
И звёздные духи, и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его чёлн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розоватой,
И нежный овал молодого лица, —
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

Устанет и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звёзды, печали
Ещё неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребёнок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,

В зловещем мерцании её жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте тёмные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд,
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Её он опутал сетями соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей,
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он, наконец, беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рождённый из праха, да буду я прахом!»

И, медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
И рвёт ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился.

Направо — сверкает и пенится Тигр,
Налево — зелёные воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

Август 1909?

Юдифь

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствоваться не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И всё же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль может быть, в дыму кадилниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

1914

Душа и тело

I

Над городом плывет ночная тишь
И каждый шорох делается глуше,
А ты, душа, ты всё-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморные души.

И отвечала мне душа моя,
Как будто арфы дальние пропели:
— Зачем открыла я для бытия
Глаза в презренном человеческом теле?

— Безумная, я бросила мой дом,
К иному устремясь великолепью.
И шар земной мне сделался ядром,
К какому каторжник прикован цепью.

— Ах, я возненавидела любовь,
Болезнь, которой все у вас подвластны,
Которая туманит вновь и вновь
Мир мне чужой, но стройный и прекрасный.

— И если что еще меня роднит
С былым, мерцающим в планетном хоре,
То это горе, мой надежный щит,
Холодное презрительное горе. —

II

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржою,
И телу я сказал тогда: – Ответь
На всё провозглашенное душою. –

И тело мне ответило мое,
Простое тело, но с горячей кровью:
– Не знаю я, что значит бытие,
Хотя и знаю, что зовут любовью.

– Люблю в соленой плескаться волне,
Прислушиваться к крикам ястребиным,
Люблю на необъезженном коне
Нестись по лугу, пахнущему тмином.

И женщину люблю... Когда глаза
Ее потупленные я целую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

– Но я за всё, что взяло и хочу,
За все печали, радости и бредни,
Как подобает мужу, заплачу
Непоправимой гибелью последней.

III

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом, – кто же, вопрошатель, ты? –
Душа предстала предо мной и тело.

На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
– Скажите мне, ужель разумен пес
Который воеет, если месяц светел?

– Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?

– Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Пророс главою семью семь вселенных,
И для очей которого, как пыль,
Поля земные и поля блаженных?

– Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание:
А вы, вы только слабый отсвет сна,
Бегущего на дне его сознанья!

1919